

Селянинова Г.Д. К вопросу об этике революционного насилия и некоторых практиках ее воплощения в феврале-октябре 1917 года на Урале // *Технологос*. – 2021. – № 3. – С. 65–77. DOI: 10.15593/perm.kipf/2021.3.06

Selyaninova G.D. Towards the Ethics of Revolutionary Violence and Practice of its Implementation in the Urals in February-October 1917. *Technologos*, 2021, no. 3, pp. 65-77. DOI: 10.15593/perm.kipf/2021.3.06

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

DOI: 10.15593/perm.kipf/2021.3.06

УДК 94(470):316.342"1917"

К ВОПРОСУ ОБ ЭТИКЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО НАСИЛИЯ И НЕКОТОРЫХ ПРАКТИКАХ ЕЕ ВОПЛОЩЕНИЯ В ФЕВРАЛЕ – ОКТЯБРЕ 1917 ГОДА НА УРАЛЕ

Г.Д. Селянинова

Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь, Россия

О СТАТЬЕ

Получена: 07 июля 2021 г.
Принята: 21 сентября 2021 г.
Опубликована: 10 ноября 2021 г.

Ключевые слова:

революция, этика, насилие, ценности, классовая мораль, интеллигенция, Урал, толстовство.

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена революционной этике российской интеллигенции с ее идеей служения народу, жертвенности и возможности применения насилия в ходе борьбы за будущее счастливое общество. Революционная этика, основанная на насилии, выражалась в том, что абсолютной становилась сама идея революции. Участникам революционного движения была свойственна фанатичная готовность принести себя и других в жертву абстрактной идее победы революции во имя абстрактного человеческого счастья. Революционная этика ниспровергала религиозные ценности, сохранявшие нравственное здоровье общества. Безусловно, идея революционного насилия сформировалась прежде всего в ходе подрывной деятельности революционной российской интеллигенции. Но этот процесс определили и другие события мировой истории. Исследователи отмечают большое влияние Первой мировой войны, в которую вовлекла Россию правящая элита. Сохранение стабильности общества на основе эмпатии и уважения к жизни человека также было одной из тех тенденций эпохи, которые революционная интеллигенция игнорировала. Данная тенденция нашла выражение в учении о ненасилии (непротивлении злу насилием) Л.Н.Толстого, сборниках «Проблемы идеализма» (1902), «Вехи» (1909), «Из глубины» (1918), обращенных к религиозно-этическим ценностям.

В статье также рассмотрены практики воплощения революционной этики от февраля до октября 1917 г. на Урале на основе архивных исторических источников. Февральская революция 1917 г. усилила политизацию общественного сознания, что в условиях общего низкого уровня культуры масс было во многом трагично, в том числе и для самой интеллигенции.

Автор приходит к выводу о том, что демократизация политической жизни российского общества в феврале – октябре 1917 года сопровождалась реализацией идеей революционного ниспровержения существующих устоев, развивавшихся революционной интеллигенцией. Этот процесс был дополнен вырвавшимся на свободу разрушительными инстинктами народных масс, а приход к власти большевиков в октябре 1917 года стал зримым воплощением насильственного захвата власти.

© ПНИПУ

© Селянинова Г.Д. – кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного управления и истории, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9928-7333>, e-mail: gsina@mail.ru.

© Gulsina D. Selyaninova – Candidate of Sciences in History, Associate Professor, Department of Public Administration and History, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9928-7333>, e-mail: gsina@mail.ru.

Эта статья доступна в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

TOWARDS THE ETHICS OF REVOLUTIONARY VIOLENCE AND PRACTICE OF ITS IMPLEMENTATION IN THE URALS IN FEBRUARY – OCTOBER 1917

Gulsina D. Selyaninova

Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russian Federation

ARTICLE INFO

Received: 07 July 2021
Accepted: 21 September 2021
Published: 10 November 2021

Keywords:

revolution, ethics, violence, values, class morality, the intelligentsia, the Urals, Tolstoyism.

ABSTRACT

The article focuses on the revolutionary ethics of the Russian intelligentsia based on the idea of the service to the people, sacrifice and the possibility of using violence in the struggle for a future happy society. The revolutionary ethics based on violence was expressed in the fact that the very idea of revolution became absolute. Inherent in the revolutionary movement was a fanatical readiness to sacrifice themselves and others to the abstract idea of revolutionary victory for the sake of abstract human happiness. Revolutionary ethics subverted the religious values that preserved the moral health of society. To be sure, the idea of revolutionary violence was primarily shaped by the subversive activities of the revolutionary Russian intelligentsia. But this process was also shaped by other events of world history. Researchers have noted the great influence of the First World War, in which Russia was drawn by the ruling elite. Maintaining the stability of society on the basis of empathy and respect for human life was also one of the tendencies of the era which the revolutionary intelligentsia ignored. This tendency was expressed in Tolstoy's doctrine of non-violence (non-resistance to evil with violence) and also in collections of articles "Problems of Idealism" (1902), "Milestones" (1909), and "From Depth" (1918), which expressed religious and ethical values.

The practices of embodying revolutionary ethics from February to October 1917 in the Urals on the basis of archival historical sources have also been considered in the article. The February Revolution of 1917 intensified the politicization of public consciousness which was largely tragic (including intelligentsia) in conditions of the general low level of culture of the masses.

The author concludes that the democratization of the political life of the Russian society in February - October 1917 was accompanied by the implementation of the ideas of revolutionary overthrow of the existing foundations, developed by the revolutionary intelligentsia. This process was complemented by the destructive instincts of the masses, and the Bolsheviks' coming to power in October 1917 was a visible embodiment of the violent seizure of power.

© PNRPU

Идея насилия в революционной этике интеллигенции в XIX – начале XX века

Революционная этика складывалась в России на протяжении длительного времени, включая XIX век и первую треть XX века. Большую роль в ее формировании сыграла российская интеллигенция, оформление которой было связано с модернизационными процессами эпохи промышленного переворота.

Многие представители интеллигенции считали целью своей жизни служение народу посредством подготовки революции в России. Этической базой такого выбора рассматривалась идея вины интеллигенции перед народом, которая обязывала искупить ее служением, жертвенностью. Сформулированная еще А.И. Герценом идея долга интеллигенции народу была подхвачена народолюбцами и далее реализовывалась последующими поколениями интеллигенции, но вот пути возвращения данного долга предлагались различные: и через культурническую просветительскую активность, и через революционную деятельность. По мнению А.И.Юдина, «идеи долга, вины, жертвенности интеллигенции, безусловно, способствовали осуществлению русских революций начала XX века» [1, с. 63–64].

Во второй половине XIX века происходит формирование революционной морали, пронизанной идеей революционного насилия. Становление радикализма разночинной интеллигенции России началось с нигилизма, получившего широкое распространение в 60–70-е годы XIX века. Нигилизм как общее неприятие существующих устоев общества был характерен для разных идеологических течений интеллигенции.

Не случайно допустимость революционного ниспровержения существующих устоев, в том числе ценностных моральных ориентиров, привела к появлению революционного террора сначала народников, а затем эсеров, большевиков и др.

Революционная этика, основанная на насилии, выражалась в том, что абсолютной становилась сама идея революции, борьба за ее победу, невзирая ни на что. Участникам революционного движения была свойственна фанатичная готовность принести себя и других в жертву абстрактной идее победы революции во имя абстрактного человеческого счастья.

Следует отметить, что данная проблема привлекала внимание исследователей. В советский период развития историографии революционная этика трактовалась в русле идей В.И. Ленина, сформулированных наиболее рельефно в его речи на III Всероссийском съезде Российской коммунистической молодежи 2 октября 1920 года («Задачи союзов молодежи»). С точки зрения В.И. Ленина, мораль и нравственность определяются интересами классовой борьбы пролетариата, а не религиозными или иными представлениями.

В постсоветской историографии революционная этика рассматривалась в рамках сменявшейся исторической парадигмы. Одним из крупнейших исследователей революционного насилия стал В.П. Булдаков [2]. Религиозная этика ненасилия в учении Л.Н. Толстого в ракурсе истории русских революций рассмотрена в статье В.П. Римского, С.В. Резник и К.Е. Мюльгаупт [3]. Вопросы формирования революционной этики на основе романа А.М. Горького «Мать» были предметом изучения Т.А. Никоновой [4], которая рассматривает нравственно-этические вопросы, связанные с участием в революционном движении. Критические оценки революционного сознания С.М. Франком стали темой статьи А.А. Кара-Мурзы [5]. Е.М. Лаврова обращается к проблеме этических взаимоотношений в революционной среде в 1917 году [6]. Ряд исследований посвящен революционной этике большевизма [7–11].

Самоопределение радикальной интеллигенции происходило в триаде народ–власть–интеллигенция. Если отношение к власти было экстремистски нигилистическим, то совершенно иным был взгляд на народные массы. Рассуждая об исторических корнях Октября, академик П.В. Волобуев справедливо отметил: «Более полувека русская интеллигенция горела революционным огнем, и в служении делу революции и культуры видела свое призвание. Если в освободительном движении явно преобладала революционная струя над либеральной, то в самом революционном движении безраздельно господствовали социалистические идеи в обеих формах: марксизма и неонародничества... Именно интеллигенция внесла социалистические идеи в сознание народных масс, в первую очередь пролетарских, когда они в эпоху трех русских революций проснулись и потянулись к политике и знаниям» [12, с. 40].

Идея триады – власть, народ, интеллигенция – утверждала право интеллигенции решать судьбу России в исторической перспективе.

Процесс формирования взглядов, связанных с возможностью и необходимостью применения насилия в революционной борьбе, вызывал негласное одобрение широкого круга представителей образованного российского общества, включая и либералов, далеких от революционной деятельности.

На этические позиции российской интеллигенции большое влияние оказали идеи марксизма, выступавшего против той морали, которая служила господствующим слоям общества. В работе К. Маркса мы встречаем упоминание о том, что «недостатки неизбежны в первой фазе коммунистического общества, в том его виде, как оно выходит после долгих мук родов из капиталистического общества», при этом «право никогда не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества» [13, с. 19]. Данное высказывание могло рас-

смагиваться как обоснование необходимости революционных изменений. Справедливости ради отметим, что любая революция (не только в России) сопровождается насилием, направленным не только на представителей свергнутой власти, но и невинных людей. С другой стороны, революционное насилие противостояло государственному, и логика К. Маркса (и революционной интеллигенции) здесь очевидна.

Отношение к революционному насилию было основанием для усиления процесса идейно-политической дифференциации российской интеллигенции, характерного для рубежа XIX–XX веков. Следует отметить, что идею революционного насилия разделяли не все представители интеллигенции. Еще Л.Н. Толстой выступил с учением о ненасилии (непротивлении злу насилием) [3]. Писатель полагал, что поступками людей должна руководить христианская любовь как всеобщий закон, и тем самым направлял моральный вектор развития общества в сторону усиления религиозных ценностей, своеобразно им понимаемых. Он рассматривал любовь как преграду злу, а не ответное насилие. Последователи Л.Н. Толстого предложили российскому обществу религиозно-этический путь продвижения (толстовство). Во многом вдохновленные этими идеями, в этом же христианском ключе о недопустимости революционного террора предупреждали еще до событий первой русской революции авторы сборника «Проблемы идеализма». Переход части российских интеллектуалов к идеализму выразился в отказе от критически заостренного восприятия социальной реальности, содержавшегося в марксистской доктрине как ядре рабочего (и вообще оппозиционного) движения. Тот вектор идеализма, который был задан авторами сборника «Проблемы идеализма», имел нравственную и, более того, религиозную направленность и обозначил ту линию интеллектуальной жизни России, которая оформилась уже после первой русской революции.

Прогнозы религиозных мыслителей, авторов сборника «Проблемы идеализма», выглядели пророческими на фоне событий развернувшейся вскоре революции, и поэтому вполне закономерным стало появление уже после революции второй подобной публикации – сборника «Вехи», вызвавшего бурную дискуссию среди участников политического процесса того времени.

Ниспровержение традиционной религиозности революционерами, в частности большевиками, после первой русской революции привело к поискам такого мировоззрения, которое бы создавало для широких масс «религию без бога» – новое социалистическое религиозное сознание [14].

В 1917 году представитель веховской идеологии Н.А. Бердяев называл корнем всех несчастий России «ложное направление духа, ложные идеи, которыми в течение многих десятилетий жила русская интеллигенция и которыми она отравила народные массы» [15]. Но нравственные подходы веховцев к роли интеллигенции в российском обществе не стали общепризнанными, более того, они вызвали бурю негодования, многочисленные дискуссии, так как слишком были остры социальные и политические противоречия российской действительности. Поэтому крушение монархии в России было встречено большей частью российской интеллигенции с энтузиазмом, проявившимся в активизации различных сфер деятельности – общественной, политической, профессиональной и др.

Безусловно, идея революционного насилия сформировалась, во-первых, в ходе деятельности революционной российской интеллигенции. Но этот процесс определили и другие события мировой истории. Исследователи отмечают большое влияние Первой мировой войны, в которую вовлекла Россию правящая элита. А вот «хронику революционного насилия эпохи мировой войны следовало бы вести с убийства Распутина», – считал В.П. Булдаков [2, с. 52]. Он справедливо отмечал, что «Февраль взбудоражил народные низы, дал выход варварской энергии массы», в результате чего произошло «укоренение психологии кровавого жертвоприношения ради всеобщего светлого будущего», и «Февраль – это зародыш общего психоза» [2, с. 66–67].

Практика реализации идеи революционного насилия в феврале – октябре 1917 года на Урале

Февраль 1917 года непосредственно запустил процесс свержения монархического строя и демонтажа его властных институтов – идея получила реальное воплощение. Главным словом становится «ликвидация»: цензуры, государственных учреждений, самой системы власти и, конечно, политической системы в целом. Борьба интеллигенции против государственного насилия прошла обратный путь, перейдя от революционного насилия – к государственному.

Революция, будучи, по существу, явлением нелегитимным, разрушает существующую систему правовых отношений, стремясь сформировать новую. Как считает современный петербургский историк Б.И. Колоницкий, в эпоху революций «весьма ограничивается сфера действия права: старая юридическая система ослабляется, появляются новые центры «революционного правотворчества»» [16, с. 188]. По его мнению, несколько правовых систем, действующих в стране, на деле нейтрализуют друг друга, а стороны при разрешении конфликтов часто руководствуются не юридическими актами, а собственной революционной (или контрреволюционной) моралью [16, с. 188]. Все это приводит к возрастанию роли насилия как инструмента осуществления власти.

Разрушительная сила проявилась в демонтаже институтов царского режима, в уничтожении его символов. Идея революционного насилия из интеллигентской стала народной. Именно как разрушение и ниспровержение понимали массы задачу момента: «Как результат, толпы демонстрантов с восторгом начали жечь полицейские участки, как бы предавая ритуальному огню скверну старой власти. Затем последовали погромы винных лавок, захваты тюрем и освобождение заключенных» [2, с. 56].

Интеллигенция, возглавившая формирование новых управленческих структур на местах, начинает использовать известный словесный штамп эпохи Французской революции – «враг народа». В число «врагов» уже весной 1917 года иногда включалась «буржуазия» [2, с. 200–201]. Но главными врагами революции считались представители центральной власти на местах, а именно лица и органы, осуществлявшие ее прежде, в том числе и силовые структуры.

Временным правительством 5 марта 1917 года было издано распоряжение, в соответствии с которым со своих постов были сняты все губернаторы, вице-губернаторы и уездные исправники, а их управленческие функции переданы губернским и уездным земским управам и городским думами.

Пермский комитет общественной безопасности не остановился на отстранении от власти бывших властителей губернии, приняв решение об аресте М.А. Лозина-Лозинского (бывшего губернатора), Л.В. Лыщинского-Троекурова (бывшего вице-губернатора), генерала Пржелуцкого (начальника 17-й запасной бригады), подполковника Демидова (начальника губернского жандармского управления), ротмистра Заичневского (помощника начальника губернского жандармского управления), Н.А. Иванова (старшего советника губернского правления), Белоусова (члена губернского присутствия) [17, с. 12].

Арестованный 23 марта 1917 года пермский губернатор М.А. Лозина-Лозинский был подвергнут допросам представителями следственных комиссий комитетов общественной безопасности Перми и Екатеринбурга. Его допрашивали Тарасов, Герасимов, Пиджаков и Каменев. Арестованный губернатор рассказал о себе и охарактеризовал свои действия в условиях смены политического строя, подчеркнув, что «момент для передачи власти от военной гражданской определен в законе не точно» и для него «такого момента не наступило» [18, Д. 112. Лл 48, 48об, 49, 49об.].

Комитеты общественной безопасности, подвергая революционному правосудию бывших представителей власти, воплощали в жизнь требования масс, жаждавших их ареста. Сложность ситуации, в которой оказались интеллигенты – члены КОБов, заключалась в том, что их умеренность, либерализм и здравый смысл должны были противостоять безумной жажде насилия рабочей и солдатской массы. Для этого нужна была большая смелость. Например, в Комитете общественной безопасности г. Екатеринбурга активно работал бывший оперный певец Давыдов, избранный его первым (временным) председателем еще до утверждения на этой должности лидера кадетов г. Екатеринбурга Л.А. Кроля [19, с. 14]. Давыдов смело оппонировал железнодорожнику Толстоуху, заявив, что «пока хватит сил, я все же буду говорить» [19, с. 7].

В то же время следует отметить, что «пошедшая во власть» интеллигенция проявила и такое качество, как мстительность, выразившееся в желании расправиться с «персонифицированным злом» прежнего режима – военными и служащими жандармских управлений.

Хотя В.П. Аничков, вошедший в первый состав екатеринбургского КОБа, отметил в своих воспоминаниях, что необходимость ареста военных генералов и жандармских офицеров заключалась не в том, «что они могут представлять опасность своими контрреволюционными действиями, а в том, что, судя по настроению верх-исетских рабочих и ...уличной толпы» существует угроза им самим [19, с. 15]. Историк В.П. Булдаков объяснял данный феномен: «Отмена смертной казни стала одним из главных «просчетов» Февраля... Революционная власть, отказавшись от нее, провоцирует самосуд... Власть может показаться не царственно казнящей и милующей, а «пустой». А если это подтверждается видимым управленческим бессилием, то она скоро предстанет ненужной» [2, с. 62].

Сохранились архивные дела, свидетельствующие о стремлении интеллигенции наказать бывших жандармских офицеров. Они иллюстрируют желание интеллигенции, преследовавшейся до революции за свои убеждения, восстановить равновесие, а также изъять заведенные на них дела из жандармских управлений.

В марте 1917 года следственная секция Комитета общественной безопасности г. Екатеринбурга рассматривала дело старшего военного цензора в Екатеринбурге, бывшего начальника Ревдинского жандармского полицейского управления железных дорог подполковника Стрельникова, продолжавшего свою службу цензора. Первоначально было решено «произвести у него обыск, отобрать оружие, вопрос об его аресте оставить в зависимости от результата обыска... такую же меру применить ко всем жандармским ротмистрам..., уездному исправнику» [18, Д. 111. Лл. 1, 4].

Следственная комиссия сочла «недопустимым оставление жандармского офицера на этой должности» и просила Совет солдатских депутатов «выяснить, не имеется ли среди солдат или офицеров гарнизона лиц, владеющих немецким или французским языками для занятия ответственной должности старшего военного цензора» [18, Д. 111. Л. 4]. Комитет общественной безопасности 22 марта 1917 года назначил вместо Стрельникова на должность старшего военного цензора офицера 149 полка 11-й роты француза – прапорщика Льва Эмба, владевшего, помимо русского и французского, немецким и английским языками [18, Д. 111. Л. 7]. А в отношении Стрельникова дознание было закончено 8 апреля 1917 года, и дело было передано в судебную-юридическую секцию с заключением о необходимости судебного преследования за совершенное служебное преступление: сожжение официальных документов [18, Д. 111. Л. 8]. Между тем подследственный продолжал исполнять свои служебные обязанности и передал их лишь 12 апреля прибывшему из Штаба Казанского военного округа подпоручику Калашникову, после чего подполковник Стрельников был переведен в резерв чинов при Штабе Киевского

военного округа, а затем и вовсе освобожден из-под домашнего ареста [18, Д. 111, Лл. 10, 19, 20]. Такому либеральному отношению к делу немало способствовало ходатайство главного инженера по сооружению линии Лысьва – Бердяуш, обратившегося по просьбе семьи подследственного к Комитету общественной безопасности с изложением фактов его доброжелательного отношения в бытность начальником жандармского отделения к служащим и рабочим на постройке Западно-Уральской железной дороги, а также на постройке линии Екатеринбург – Пермь [18, Д. 111, Л. 24]. «Дело» Стрельникова закончилось тем, что после горячей речи его жены в Комитете он был освобожден из-под следствия [19, с. 21].

В уничтожении секретных дел бывшего полицейского управления обвинялся Н. Ключников, арестованный в апреле 1917 года. Он изъял переписку о бывших чинах городской полиции, главным образом анонимные доносы, газетные вырезки о заседаниях Военно-промышленного комитета, а также переписку о комитете военно-технической помощи и о расследовании уголовного преступления на квартире должностного лица [18, Д. 111. Л. 233]. Объясняя причину содеянного, обвиняемый оправдывался: «Просто хотелось покончить со старым, противным и ненужным хламом» [18, Д. 111. Л. 233об]. Просьба об оправдании своих действий была высказана на основании общего понимания современных событий: «Дайте и мне жить по-новому; думаю я по-новому давно, далеко раньше революции. Если б вы знали как хочется сделать что-нибудь доброе, полезное для родины, для утверждения свобод, для нового правительства» [18, Д. 111. Л. 233об].

13 марта 1917 года по постановлению Комитета общественной безопасности был задержан и заключен в екатеринбургскую тюрьму Марк Никифорович Обухов. Было установлено, что Обухов состоял на службе в охранном отделении Губернского жандармского управления под кличкой Счастливый и весьма подробно освещал деятельность партии социал-революционеров, причем собрания этой партии иногда проходили в квартире самого Обухова. На основании составлявшихся им доносов многие эсеры были подвергнуты преследованиям [18, Д. 111. Л. 194]. После ареста Обухова его жена обратилась с телеграммой к министру юстиции, объясняя суть дела: «Марк Обухов был заключен в Екатеринбургскую тюрьму по обвинению в причастности Екатеринбургскому Жандармскому управлению, в сети жандармского ротмистра он попал в девятьсот пятнадцатом году, когда ему болезненному и изнуренному назначили ссылку, под угрозой холодной Сибири его вынудили назвать своих товарищей; осознавая свою вину, он измучился физически и нравственно до болезни. Умоляю Вас, господин Министр, милостиво отнестись к моему мужу, принять во внимание те годы заключения, которые он провел ранее в тюрьмах за борьбу со старым режимом. Во имя человеколюбия дайте ему снисхождение, освободите из тюрьмы на условиях Вам приемлемых для продолжения мирного труда на благо родины» [18, Д. 111. Л. 163].

На основании 8-й статьи постановления Временного правительства от 16 июля 1917 года следственная комиссия Екатеринбургского Комитета общественной безопасности продлила срок лишения свободы до 26 сентября 1917 года, выпустив его на свободу 27 сентября [18, Д. 111. Л. 194, 194об].

Подобное же дело было рассмотрено следственной комиссией Екатеринбургского совета и комитета общественной безопасности в отношении Тимофея Ефимовича Блиновских «по обвинению его в принадлежности к секретным сотрудникам бывшей уездной полиции». Подследственный после недолгого пребывания в тюрьме был освобожден с отдачей под надзор Уфалейской милиции [18, Д. 111. Л. 114].

8 марта 1917 года в Екатеринбурге по постановлению Екатеринбургского Комитета общественной безопасности был арестован бывший помощник начальника Пермского губернского жандармского управления ротмистр А.А.Ивановский как представитель политического сыска. Дознанием установлен факт уничтожения значительной части секретных дел. Следственная комиссия постановила «зачислить Ивановского содержанием за Министром Внутренних Дел», т. е. заключить под стражу [18, Д. 112. Л. 51]. Кроме того, 15 марта был арестован начальник Екатеринбургской почтовой конторы Л.Л. Островецкий как секретный сотрудник жандармского управления в Екатеринбурге. На допросе Островецкий признал себя платным сотрудником, работавшим под кличкой Найденов. Его также «зачислили» за министром внутренних дел, установив факт нарушения Островецким тайны почтовой корреспонденции и передав дело судебным властям [18, Д. 112. Л. 51]. 15 марта был арестован в Екатеринбурге почтовый чиновник Валерьян Алексеевич Благодаров как секретный сотрудник жандармского управления. На допросе Благодаров признал себя платным сотрудником, работавшим под кличкой Серый и занимавшимся выемкой частной корреспонденции и передачей таковой в жандармское управление [18, Д. 112. Л. 51]. С 11 по 20 марта были арестованы как секретные сотрудники жандармского управления в Екатеринбурге Иван Алексеевич Вяткин, работавший под кличкой Краев; Иван Яковлевич Шарапов, работавший под кличкой Токарев; Федор Степанович Верещагин, работавший под кличкой Высокий; Марк Никифорович Обухов, работавший в местных революционных организациях под кличкой Счастливый; а также Никита Анисимович Ключников, бывший полицмейстер г. Екатеринбурга как представитель полицейской власти и Ефим Никитич Жгун за непризнание нового законного правительства и народной милиции [18, Д. 112. Л. 51, 51об, 52].

Арестованные впоследствии чаще всего получали свободу. Первоначальное стремление взять их под арест современники объясняли желанием изъять «компрометирующие... документы, поскольку многие [из революционеров]... находились ранее на службе у жандармов» [19, с. 20].

Упомянувшийся выше В.П. Аничков писал о своих настроениях, переживаемых в Екатеринбурге 10 марта 1917 года по время праздника революции: «Среди радостных настроений этого дня нет-нет да и пробегала холодная струйка грозного призрака кровавых расправ, казней и междуусобной войны» [19, с. 26]. Опасения начали вскоре сбываться, и одной из причин усиления нестабильности в Екатеринбурге автор воспоминаний называл то, что «в милицию после выпуска из тюрем попало много уголовных преступников», что предопределило «взятничество и даже грабежи» [19, с. 31]. Все эти действия совершались милицией главным образом по отношению к тем, кто обвинялся в контрреволюционности [19, с. 32].

Кроме того, воинские части, дислоцированные на Урале, также выступали очагом напряженности. Приказ № 1 Петроградского совета реализовывался на Урале так же, как и в столице. Солдаты и офицеры жаловались на неугодного командира властным органам, предъявляя ультиматум: «Если завтра полковника не уберут, то он будет убит» [19, с. 32]. Разгул насилия на железных дорогах также стал всеобщим. «Ездить на поезде не было никакой возможности. Бегущая с фронта солдатня переполняла вагоны и громила все, что попадало под руку... Солдаты под угрозой расстрела заставляли машиниста без разрешения начальника станции отправляться в путь, что вызывало крушения» [19, с. 39]. Солдаты, освоившие революционную риторику, даже за исполнение царского гимна карали смертью. «В защиту же Государя, по слухам, выступил, какой-то, очевидно, обезумевший офицер на одной из промежуточных станций между Пермью и Екатеринбургом. Он вдруг выскочил с шашкой в руках из здания вокзала с громким пением «Боже, Царя храни»... и был убит на месте» [19, с. 57].

Финансовые и продовольственные трудности 1917 года в городах преодолевались за счет реквизиций у буржуазии, у которой изымались сахар, табак, спички, хлеб и другие продукты [19, с. 44–45]. Уже летом 1917 года предпринимались попытки уравнительного распределения изъятого продовольствия, что в целом негативно влияло на отношение населения к необходимости самообеспечения, во-первых, из-за страха, что заготовленные продукты могут изъять, а во-вторых, из-за формирования иждивенческих настроений в результате получения изъятых продуктов.

И в этих условиях интеллигенция, разжигавшая прежде пламя революции, относилась к пробужденному революцией народу с пониманием: «Ведь все это дети революции. Правда, дети злые...» [19, с. 34].

По мнению С.В. Тютюкина, репрессивные меры против части демократических слоев общества стали применяться в июле 1917 года, причем по инициативе лидеров социалистических партий. С 8 по 23 июля за деятельность МВД отвечал Церетели [20, с. 376].

Таким образом, практически сразу после Февральской революции формируется образ ее «врагов». В качестве таковых были избраны представители губернских администраций и лично губернаторы, а также бывшие служащие жандармских управлений. В то же время стремление уральской интеллигенции ограничить революционное правосудие легитимными рамками приводило к созданию силами общественных организаций новых судебных органов, таких как, например, Временный народный суд в г. Екатеринбург.

Поиск выхода из революционной стихии, из крайностей насилия и ниспровержения устоев усилил духовно-религиозные искания интеллигенции и в то же время процесс ее идейной дифференциации в этом процессе. Для революционной эпохи было также характерно и распространение атеистических взглядов. Свержение прежних кумиров, например сомнение в непогрешимости церковных служителей, стало общим местом многих публикаций в периодической печати. Попыткой противостоять этим тенденциям было поддержание религиозно ориентированной интеллигенцией движения церкви за возрождение патриаршества, что можно считать стремлением усилить религиозные чувства населения в условиях общего снижения влияния церкви. И собравшийся в августе 1917 года Поместный собор Русской православной церкви реализовал эту идею. В его работе принимал участие приват-доцент Пермского университета Н.Н. Фиолетов.

Противоположная тенденция, связанная с требованием уменьшить влияние церкви в российском обществе, также набирала обороты. Она проявилась прежде всего в том, что в учебных заведениях яблоком раздора стали уроки Закона Божьего. «Революционеры требовали их уничтожения, реакционеры – обязательного преподавания» [19, с. 43]. Поверхностная религиозность уральских крестьян приводила их к духовному релятивизму. «Вы говорите, что Бог остался на свободе. Нет, Он был раньше арестован, а вот теперь Он сделался свободным. Вот ныне к свободному Богу мы и прислушаемся. Пусть укажет, как жить нам, свободным гражданам... А исполнять то, что Он, сидя в тюрьме, через своих адвокатов нам диктовал, пожалуй, и не стоит» [19, с. 27].

Уже в январе 1918 года крупнейший российский поэт А. Блок ответил на идейные поиски времени своей поэмой «Двенадцать», используя образ Христа в объятай революцией России.

Были и другие тенденции, связанные с ослаблением роли Церкви и образованием идейного вакуума. Например, в 1917 году в активизировалась деятельность футуристов, призванных ниспровергнуть с пьедестала образцы культуры прошлого. Образовавшийся идеологический вакуум заполняли последователи различных восточных учений. Иногда и те и другие объединялись.

Одним из проявлений этого было распространение идей восточных эзотерических школ. Мода на тайные знания начинает влиять на многих деятелей культуры. Футуристы, стремившиеся использовать любые средства с целью эпатажа публики, путешествовали, пропагандируя индийскую йогу. С подобной пропагандой на Урал неоднократно приезжали работники искусства из Москвы и Петрограда. Среди них следует отметить В. Каменского, Д. Бурлюка, В. Гольцшмидта, бурно поддержавших революцию. Особенно тесно был связан с Уралом В. Каменский, родившийся в Пермской губернии и многие годы своей творческой деятельности отдавший Уралу.

Их выступления принимали театрализованный характер и действительно происходили в зданиях городских театров, превратившись, таким образом, в одну из разновидностей зрелищ революционной эпохи, во многом пришедших на смену традиционной православной праздничной культуре.

25 апреля 1917 года впервые в Челябинске, как сообщали газеты, состоялись выступления «известного русского йога» В. Гольцшмидта под названием «Футуристы». В программе значилась лекция-вечер «Как надо жить, или искание новой жизни», состоявшая из двух частей: 1) «Солнечная радость тела» и 2) «Долой рабство законного брака». «Футуристка-босоножка» Елена Бигунская после исполнения словопластического танца познакомила публику со своим докладом на тему «Футурист жизни» [21, Л. 1].

В апреле же состоялись выступления В. Каменского и В. Гольцшмидта в Екатеринбурге. Они были посвящены изложению принципов искусства футуристов, ниспровергавших достижения классического искусства. В выступлении В. Каменского, в частности, говорилось: «Репин все стены дворцов и музеев завешал “узколобыми обезьянами” и “протухшими окунями” в звездах, мундирах. Русское искусство находилось в распоряжении монархии, и она погубила его. Мы, футуристы, загорелись желанием создать новое искусство и мы пошли в народ. И вот мы выкинули знамя чистого искусства, и, едва мы появились в своих разноцветных костюмах, старое искусство «заорало»... Старые композиторы П.И.Чайковский и Римский-Корсаков только усыпляли, а наши новые зовут к жизни» [22].

Политизация общественного сознания в условиях общего низкого уровня культуры масс проявилась в уничтожении памятников императорам и изображений Российского герба на вывесках и в общественных зданиях. Затаившийся дух разрушения и насилия в условиях провозглашенной свободы вырвался на волю. Весной 1917 года на Урале в день праздника труда 1 мая (18 апреля по старому стилю) были снесены памятники прежним властителям. В Ирбите солдаты 168-го пехотного полка свергли с пьедестала памятник Екатерине II. Однако следует отметить, что даже временный исполнительный орган совета солдатских, крестьянских и рабочих депутатов постановил считать разрушение памятника Екатерине II актом проявления грубого самоуправства, «какое не может быть допустимо при первых шагах установления гражданских свобод и демократизации общественного строя, когда требуется напряжение всех интеллигентных сил страны» [23]. Сняв все царские портреты, далее в различных учреждениях «массы проявляли свое усердие в деле разрушения портретов русских писателей (царских уже не было)» [19, с. 40]. В результате в Екатеринбурге разъяренные солдаты «не пощадили портретов ни Пушкина, ни Гоголя, ни Достоевского» [19, с. 41]. В подобных действиях, которые имели место во всей стране, реализовывалось стремление уничтожить символы старой власти и «разрушить мир насилия» насильственными же методами.

Голоса противников революционного насилия оказались под спудом захлестнувших Россию революционных событий после октября 1917 года. Не случайно противники револю-

ционного насилия свой новый манифест так и назвали – «Из глубины». В нем отразилось отношение интеллигенции к пришедшим к власти большевикам. Сборник «Из глубины» стал знаковым проявлением самовыражения интеллигенции. Обозначая два основных направления развития интеллигентской мысли: революционное, восходящее к традиции, заложенной Бакуниным, Чернышевским, Лавровым и Михайловским, и нравственное, ведущее «свою генеалогию от Чаадаева, Достоевского и Влад. Соловьева», один из авторов сборника П. Новгородцев ставит вопрос: «...и какой именно путь интеллигентского сознания необходимо признать правильным и гибельным?» [24, с. 207].

Приход большевиков к власти идею революционного насилия и классовой морали сделал государственной политикой. После Октября 1917 года начинается качественно новый этап в российской истории, как отмечал В.П. Булдаков, окончательная победа оказалась за Лениным, поскольку «Россия не выдержала тотальной войны» и «в этих условиях должны были победить крайние идеи, оплодотворенные жаждой социального насилия со стороны масс» [2, с. 44]. В целом большевики усугубили ту тенденцию революционного насилия, которая проявилась в предшествующий период, в частности между Февралем и Октябрем 1917 года.

Российский философ Р. Апресян также считает, что «если в февральский период революции насилие было проявлением низовой стихии, то в октябрьский оно стало методом государственной политики. Более того, само по себе применение этого метода сплошь и рядом становилось проявлением этой политики и ее доминирующей целью» [25].

Таким образом, идея жертвенности российской интеллигенции, исходившая из чувства ее вины перед народом и долга служения ему, обернулась своей обратной стороной: возможностью и оправданностью применения насилия. Принося себя в жертву абстрактным идеям будущего справедливого общества, революционеры переставали ценить и жизни других людей, их право на собственное самоопределение. Уже в событиях 1917 года мы видим этот тренд проникновения революционной этики насилия в общественное сознание, в государственную политику, ставший гораздо более масштабным уже после Октября 1917 года. Демократизация политической жизни российского общества в феврале – октябре 1917 года сопровождалась реализацией идей революционного ниспровержения существующих устоев, развивавшихся революционной интеллигенцией. Этот процесс был дополнен вырвавшимися на свободу разрушительными инстинктами народных масс, а приход к власти большевиков стал зримым воплощением насильственного захвата власти.

Список литературы

1. Юдин А.И. Идея вины русской интеллигенции // Вестник ТГУ. – 1998. – Вып. 2. – С. 61–66.
2. Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. – 376 с.
3. Римский В.П., Резник С.В., Мюльгаупт К.Е. Учение Л.Н. Толстого о насилии и ненасилии в зеркале русских революций // Наука, искусство, культура. – 2017. – Вып. 3 (15). – С. 75–93.
4. Никонова Т.А. Роман «Мать» как катехизис революционера: формирование революционной этики // ACTA ERUDITIRUM. – 2019. – Вып. 31. – С. 91–96.
5. Кара-Мурза А.А. Критика революционного сознания в работах Семена Людвиговича Франка (140-летию со дня рождения) // Философский журнал. – 2017. – Т. 10, № 4. – С. 41–48.

6. Лаврова Е.М. Проблема этики революционера в политической борьбе 1917 г. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С.Пушкина. – 2015. – Т. 4, № 1. – С. 90–100.

7. Рябова Т.И. Революционно-утилитарная этика большевизма и судьба художественной интеллигенции // Добычинские чтения в Брянске: материалы всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием / под ред. О.В. Вороничевой. – Брянск, 2018. – С. 106–114.

8. Овчинникова Е.А. Мораль и этическая теория в отечественной культуре пореволюционного периода (20-е гг. XX века) // *Studia Culturae*. – 2016. – Вып. 4 (30). – С. 30–39.

9. Ростоцкая М.А. Морально-этическая парадигма революционного кино 1920-х годов // Театр. Живопись. Кино. Музыка. – 2014. – № 1. – С. 129–150.

10. Гусейнов А.А. Этика Троцкого, или О важнейшем моральном уроке Октябрьской революции и советского социального эксперимента // *Ведомости прикладной этики*. – 2018. – № 51. – С. 94–111.

11. Буллер А. Мораль и язык большевизма // *Этическая мысль*. – 2020. – Т. 20, № 1. – С. 112–129.

12. *Анатомия революции: 1917 г. в России: массы, партии, власть: материалы коллоквиума 11–15 января 1993 г.* – СПб.: Глагол, 1994. – 445 с.

13. Маркс К., Энгельс Ф. Критика Готской программы. – М.: Изд-во полит. лит., 1962. – Т. 19. – С. 9–32.

14. Луначарский А.В. Религия и социализм. – СПб., 1908, 1911.

15. Бердяев Н.А. Кто виноват? // Бердяев Н. Собр. соч. – Париж, 1990. – Т. 4. – 598 с.

16. Колоницкий Б.И. Антибуржуазная пропаганда и “антибуржуйское” сознание // *Анатомия революции: 1917 г. в России: массы, партии, власть: материалы коллоквиума 11–15 января 1993 г.* – СПб.: Глагол, 1994. – С. 188–202.

17. Обухов Л.А. Хроника 1917 года // *РЕТРОспектива*. – 2007. – № 5. – С. 12–19.

18. Коллекция документов по истории рабочего и революционного движения и установления Советской власти на Урале // ГАСО. Ф. Р - 2601. Оп. 1. Д. 111, 112.

19. Аничков В.П. Екатеринбург-Владивосток. 1917–1922. – М.: Русский путь, 1998. – 368 с.

20. Тютюкин С.В. Меньшевизм: страницы истории. – М.: РОССПЭН, 2002. – 560 с.

21. Меньшиков Фир Родионович – краевед (1902–1978) // ОГАЧО. Ф. Р-1726. Оп. 1. Д. 10.

22. Зауральский край. – 1917. – 22 апр.

23. Зауральский край. – 1917. – 6 мая.

24. Новгородцев П.И. О путях и задачах русской интеллигенции // *Из глубины: сб. ст. о русской революции*. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. – 298 с.

25. Апресян Р. Новая этика: в России меняется отношение к революции. – URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/04/11/2017/59fc83719a79477dc9c4e601https://www.rbc.ru/spb_sz/04/11/2017/59fc83719a79477dc9c4e601 (дата обращения: 06.06.2021).

References

1. Iudin A.I. Ideia viny russkoi intelligentsia [The idea of guilt of the Russian intelligentsia]. *Tomsk State University Journals*, 1998, iss. 2, pp. 61- 66.

2. Buldakov V.P. Krasnaia smuta. Priroda i posledstviia revoliutsionnogo nasillia [Red confusion. The nature and consequences of revolutionary violence]. Moscow, Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia (ROSSPEN), 1997, 376 p.

3. Rimskii V.P., Reznik S.V., Miul'gaupt K.E. Uchenie L.N.Tolstogo o nasillii i nenasillii v zerkale russkikh revoliutsii [Leo Tolstoy's doctrine of violence and non-violence in the mirror of Russian revolutions]. *Nauka, Iskusstvo, Kul'tura*, 2017, iss. 3(15), 75-93 p.

4. Nikonova T.A. Roman «Mat» kak katekhizis revoliutsionera: formirovanie revoliutsionnoi etiki [The novel "Mother" as a catechism of a revolutionary: the formation of revolutionary ethics]. *ACTA ERUDITURUM*, 2019, iss. 31, pp. 91-96.

5. Kara-Murza A.A. Kritika revoliutsionnogo soznaniia v rabotakh Semena Liudvigovicha Franka (140-letiiu so dnia rozhdeniia) [Criticism of revolutionary consciousness in the works of Semyon Ludvigovich Frank (140th birthday anniversary)]. *Filosofskii Zhurnal*, 2017, vol. 10, no. 4, pp. 41-48.
6. Lavrova E.M. Problema etiki revoliutsionera v politicheskoi bor`be 1917 g. [The problem of the ethics of a revolutionary in the political struggle of 1917]. *Vestnik Leningradskogo Gosudarstvennogo Universiteta Imeni A.S.Pushkina*, 2015, vol. 4, no. 1, pp. 90-100.
7. Riabova T.I. Revoliutsionno-utilitarnaia etika bol'shevizma i sud'ba khudozhestvennoi intelligentsia [The revolutionary utilitarian ethics of Bolshevism and the fate of the artistic intelligentsia]. *Dobychinskie chteniia v Brianske. Materialy vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem*. Ed. O.V. Voronicheva, 2018, pp. 106-114.
8. Ovchinnikova E.A. Moral' i eticheskaiia teoriia v otechestvennoi kul'ture porevoliutsionnogo perioda (20-e gg. XX veka) [Morality and ethical theory in the domestic culture of the post-revolutionary period (20s of the twentieth century)]. *Studia Culturae*, 2016, iis. 4 (30), pp. 30-39.
9. Rostotskaia M.A. Moral' no-eticheskaiia paradigma revoliutsionnogo kino 1920-kh godov [The moral and ethical paradigm of the revolutionary cinema of the 1920s]. *Teatr. Zhivopis'. Kino. Muzyka*, 2014, no. 1, pp. 129-150.
10. Guseinov A.A. Etika Trotskogo, ili o vazhneishem moral'nom uroke Oktiabr'skoi revoliutsii i sovetskogo sotsial'nogo eksperimenta [Trotsky's Ethics, or the Most Important Moral Lesson of the October Revolution and the Soviet Social Experiment]. *Vedomosti Prikladnoi Etiki*, 2018, no. 51, pp. 94-111.
11. Buller A. Moral' i iazyk bol'shevizma [Morality and language of Bolshevism]. *Eticheskaiia mys'*, 2020, vol. 20, no. 1, pp. 112-129.
12. Anatomiiia revoliutsii: 1917 g. v Rossii: massy, partii, vlast': mater. kollokviuma 11-15 ianvaria 1993 g. [Anatomy of the revolution: 1917 in Russia: the masses, parties, power: mater. Colloquium 11-15 January 1993]. Saint Petersburg, Glagol, 1994, 445 p.
13. Marks K., Engel's F. Kritika Gotskoi programmy [Criticism of the Gotha program]. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1962, vol. 19, pp. 9-32.
14. Lunacharskii A.V. Religiiia i sotsializm [Religion and socialism]. Saint Petersburg, 1908, 1911 p.
15. Berdiaev N.A. Kto vinovat? [Who is guilty?]. *Sobranie sochinenii*. Vol. 4. Paris, 1990, 898 p.
16. Kolonitskii B.I. Antiburzhuaznaia propaganda i "antiburzhuisкое" soznanie [Anti-bourgeois propaganda and "anti-bourgeois" consciousness]. *Anatomiiia revoliutsii: 1917 g. v Rossii: massy, partii, vlast': materialy kollokviuma 11-15 ianvaria 1993 g.* Saint Petersburg, Glagol, 1994, pp. 188-202.
17. Obukhov L.A. Khronika 1917 goda [Chronicle of 1917]. *RETROspektiva*, 2007, no. 5, pp. 12-19.
18. Kolleksiia dokumentov po istorii rabocheho i revoliutsionnogo dvizheniia i ustanovleniia Sovetskoi vlasti na Urale [Collection of documents on the history of the workers' and revolutionary movement and the establishment of Soviet power in the Urals]. *Gosudarstvennyi Arkhiv Sverdlovskoi Oblasti*, f. r – 2601, op. 1, d. 111, 112.
19. Anichkov V.P. Ekaterinburg-Vladivostok. 1917 – 1922 [Yekaterinburg-Vladivostok. 1917 – 1922]. Moscow, Russkii put', 1998, 368 p.
20. Tiutiukin S.V. Men'shevizm: stranitsy istorii [Menshevism: pages of history]. Moscow, ROSSPEN, 2002, 560 p.
21. Men'shchikov Fir Rodionovich - kraeved (1902-1978) [Menshchikov Fir Rodionovich - ethnographer (1902-1978)]. *Ob"edinennyi Gosudarstvennyi Arkhiv Cheliabinskoi Oblasti*, f. r-1726, op. 1, d. 10.
22. Zaural'skii kraj [Trans-Urals Territory]. 1917. April 22.
23. Zaural'skii kraj [Trans-Urals Territory]. 1917. May 6.
24. Novgorodtsev P.I. O putiakh i zadachakh russkoi intelligentsia [On the ways and tasks of the Russian intelligentsia]. *Iz glubiny: Sbornik statei o russkoi revoliutsii* [From the Depths: Collection of Articles on the Russian Revolution]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo Universiteta, 1990, 298 p.
25. Apresian R. Novaia etika: v Rossii meniaetsia otnoshenie k revoliutsii [New ethics: attitudes towards revolution are changing in Russia], available at: https://www.rbc.ru/spb_sz/04/11/2017/59fc83719a79477dc9c4e601 https://www.rbc.ru/spb_sz/04/11/2017/59fc83719a7 (accessed 6 July 2021).